

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Г. М. БАУЭР, *Язык южноаравийской письменности*, М., 1966, 120 стр.

В серии «Языки народов Азии и Африки» опубликован ценный труд Г. М. Бауэра, посвященный языкам государств древнего Йемена. Это — первая работа такого характера на русском языке и одна из немногих в мировой литературе¹, что определяет ее значение не только для русского, но и для зарубежного читателя. Она особенно важна в настоящее время, когда материал Южной Аравии приобретает все большее значение как в изучении семито-хамитских языков, так и в изучении истории древнего Востока.

В небольшом объеме, предоставляемом серией, автор сумел дать не только полный и достаточно подробный грамматический очерк языков древнего Йемена, но и обстоятельное введение (стр. 8—36), которое содержит краткую историю открытия и изучения древнейшей цивилизации, обстоятельное исследование места изучаемого языка в системе семитских языков и характеристику его главнейших диалектов. Особый раздел посвящен южноарабскому алфавитному письму и проблеме его происхождения. Введение дает читателю достаточно четкие и достоверные данные о древней цивилизации Южной Аравии в систематическом изложении и очень полезно для первоначального знакомства с предметом.

Рецензируемая работа полностью отвечает самому современному научному уровню. Чрезвычайно широко использована литература, как общесемитологическая, так и специально сабенитическая; особое внимание уделено живым южноарабским диалектам. Исчерпывающе привлечен эпиграфический материал, включая самые последние публикации. Впервые в лингвистическом изучении обработана богатейшая коллекция надписей из раскопок марибского храма бога луны 'Алмахаха², что чрезвычайно обогатило работу иллюстративным материалом и позволило автору сделать ряд новых и важных выводов.

Лишь в одном пункте новейшие исследования заставляют внести некоторые коррективы в изложение. Г. Бауэр, следуя А. Бистону, выделяет три периода в сабейском языке — древний (VIII—III вв. до н. э.), средний (II в. до н. э. — IV в. до н. э.) и поздний (IV—VI вв. н. э.) — и различает их по употреблению числительных šlt (др.), tlt (ср.), sdt — st и предлога 'd — 'dy (стр. 35—36; ср. Beeston, Grammar, 3,1). Однако недавние работы Ж. Рикманса³ показали, что подавляющее большинство текстов «среднего» периода датируется I—IV веками н. э., а переход šlt — tlt произошел в середине II в. н. э. Это заставляет перенести границу древнего и среднего периодов на I в. н. э. и отказаться от критерия šlt — tlt для различения этих периодов⁴.

¹ Можно назвать лишь две грамматики, сохраняющие свое значение в настоящее время: М. Höfner, *Altsüdarabische Grammatik*, Lpz., 1943; А. F. L. Beeston, *A Descriptive Grammar of Epigraphic South Arabian*, L., 1962 (далее — Grammar).

² А. Jammes, *Sabaeen Inscriptions from Maḥram Bilqis (Mareb)*, Baltimore, 1962.

³ J. Ruckmans, *La Chronologie des rois de Saba et dū-Raydan*, Istanbul, 1964. См. также H. Wissmann, *Zur Geschichte und Landeskunde von Alt-Südarabien*, Wien, 1964 (SBAWW, 246); A. Loundine et J. Ruckmans, *Nouvelles données sur la chronologie des rois de Saba et dū-Raydan*, «Le Muséon», 77, 1964, стр. 407—427.

⁴ Следует отметить, что Г. Бауэр не всегда выдерживает собственную периодизацию: в нескольких случаях он квалифицирует надписи II—III вв. н. э. «как поздние» (Ja, 716, стр. 54; Ja, 574, стр. 91) или даже «позднейшие» (Ja, 734, стр. 54).

Г. Бауэр подробно исследует проблему применения «знаков чтения» (*matres lectionis*) в надписях древнего Йемена, посвящая ей особый раздел «Консонантизм алфавита южноаравийской эпиграфики» (стр. 26—27) и неоднократно возвращаясь к ней в других местах книги (стр. 41, 81 и т. д.). Он принимает мнение А. Бистона, что знаки *w* и *y* могут в ряде случаев служить для обозначения гласных, и подкрепляет ее большим количеством новых примеров⁵, отвергая «категорическую» позицию М. Хёфнер⁶. Эта проблема чрезвычайно важна для интерпретации древнейеменских надписей, что заставляет нас остановиться на ней несколько подробнее.

Термин *matres lectionis* обозначает согласные (преимущественно — так называемые «слабые», т. е. *w*, *y* и *h*), вводимые в текст для обозначения долгих гласных. Таким образом, под это понятие нельзя подводить, как это делает Г. Бауэр (стр. 41), исторические написания, т. е. сохранение в орфографии «слабого» согласного в тот период, когда уже произошло стяжение дифтонга *aw* (*ay*) в долгую гласную *ū*/*ō* (*i*), т. е. написания *ywm* (**yūm* < **yawm*), *bt* (**bīt* < **bayt*) или проблематичное *hw* (**hū* < **huwa*). Между тем именно такое явление отражают семь из десяти примеров слов с полным и «дефектным» написанием, приводимых автором (стр. 26—27). Они свидетельствуют лишь о консерватизме орфографии, сохранявшей традиционное написание некоторое время после того, как произошло фонетическое изменение. Более того, само наличие «дефектных» написаний свидетельствует, что долгие гласные, как правило, не отражались на письме, а при изменении произношения слова орфография следовала фонетическому принципу и не отражала долгого гласного. Действительно, можно проследить довольно четкое хронологическое различие в употреблении форм *ywm* — *ym*, *mšwd* — *mšd* и *mryb* — *mrb*⁷. Еще два примера отражают разные диалектные формы (*cab*, *gwlw* — кат. *glm*, *hfrmt* — кат. *hfrmt*) и не могут служить доводом в пользу употребления *w* как гласного. Наконец, единичное написание личного имени *nš'krwb* в СІН, 609 обозначает, несомненно, уменьшительную форму **naša'kurawb* (ср. стр. 44). Иноязычные передачи южноарабских имен также не содержат убедительных примеров; скорее наоборот, греческое Σαββατα для *šbwt* (**šabwat*) с удвоением *β* свидетельствует о чтении *w* как согласного. Формы Ἀβραμῖτα и χατραμωῖτα, вероятно, следует возводить к кат. *hfrmt*. Более сложен вопрос о происхождении греческого Ὀμῆριτα; однако гласная показывает, что оно не может восходить непосредственно к географическому названию *hmyr* (**himyar*). По-видимому, его следует связать с нисбой, образуемой по общему правилу с сокращением дифтонга (ср. южноарабское множественное *hmtgn*; единственное число нисбы в надписях не засвидетельствовано)⁸. Различные написания «пустых» глаголов (см. стр. 78—83) *qf* — *qyf*, *sd* — *syd* и т. д. во всех случаях, когда контекст достаточно ясен, отражают различие между основной и интенсивной породой. Если учесть, что значение этих пород может практически совпадать, различаясь лишь экспрессивностью, то и соотношение *šm* — *šum* в Ry, 584 и СІН, 496 можно интерпретировать как соотношение основной и интенсивной породы⁹.

Таким образом, до сих пор не обнаружено ни одного достаточно надежного примера, показывающего употребление *w*/*y* в южноарабских надписях в качестве «знаков чтения»¹⁰. В то же время недавние исследования Ж. Рикманса на большом материале

⁵ Однако это не дает, на наш взгляд, оснований исключить *w* и *y* из числа согласных и рассматривать их только в разделе «гласные» (стр. 39—41). При любом решении проблемы «знаков чтения» несомненно, что южноарабский язык в полной мере сохранил такую черту общесемитской фонологической системы, как «стойкое функционирование неслогообразующих *ц* и *й* в морфологической роли согласных» (И. М. Дьяков, *Семито-хамитские языки*, М., 1965, стр. 17).

⁶ Впрочем, М. Хёфнер в этом вопросе согласилась с позицией А. Бистона: см. ZDMG, 114, 1964, стр. 426.

⁷ Приводимые автором иноязычные передачи имени «Мариб» — *mariba* и *mariba* — точно соответствуют сабейским формам и доказывают как существование двух вариантов произношения, так и то, что орфография *mryb* отражала произношение *y* как дифтонга, а не как долгого гласного.

⁸ Передачу имени «Сидон» — *sydn*, которую проводит Г. Бауэр (стр. 27, прим. 50), может быть, следует сравнить с современным арабским «Сайда».

⁹ Фразу *wmwtd/bn/sm'm/wybs/dbn/b'rn* (Ja, 735, 6—7), где *mwt*, по мнению Г. Бауэра, «определенно стоит в перфекте основной породы» (стр. 79 и прим. 133), также можно рассматривать как экспрессивное применение интенсива: «и совершенно погибли растения от жажды, и песохли колоды». Напротив, во фразе *wl/ymtn/nfshw/h'p'sn* (СІН, 126, 13), которую Г. Бауэр переводит «и пусть убьет себя этот человек» (стр. 79—80), глагол не может стоять в интенсиве; в юридическом тексте, посвященном уголовным наказаниям, безусловно следует переводить: «и пусть умрет сам этот человек».

¹⁰ Недавно изданная надпись Ja, 1028 содержит единственный пример такого рода: имя *ywsf* «Йосеф». Однако этот пример нельзя считать доказательным — речь идет о

надписей показали, что даже в III—IV вв. н. э. в тех случаях, когда дифтонг под влиянием окружающих звуков «стягивается» в долгую гласную, орфография отражает это явление выпадением «слабого» согласного в написании. Так, форма 3-го лица множественного числа перфекта имеет окончание w: f'lw (*fa'alaw), но при присоединении местоименного суффикса происходит стяжение и w исчезает: f'lhwa (*fa'alūhuwa)¹¹. Следовательно, мы можем прийти к выводу, что правилом южноарабской эпиграфики было строго консонантное употребление w/y; это чрезвычайно важно для интерпретации текстов и выявления грамматических явлений.

Рецензируемая работа богато иллюстрирована примерами из надписей, что делает изложение наглядным и убедительным. Примеры сопровождаются переводами и надежно документированы ссылками на тексты. Г. Бауэр проделал огромную работу по отбору иллюстративного материала и проверке его истолкования и грамматической интерпретации. Однако в переводах не всегда соблюдается филологическая строгость, необходимая в грамматическом исследовании. Так, не следует переводить kwn «господствовать» (стр. 49), bkrn/w'hwhw «Бакир и сородичи его» (стр. 102), sb'/wfyšn «сабейцы (из общины) Ф.» (стр. 102), lbyl/X «для семейства X» (стр. 110), hwst «поселил» (стр. 113; следует — «повелел, приказал»).

Можно отметить и непоследовательности в переводах; так, термин mnš' переведен то как «общественная повинность» (стр. 45), то как «поход» (стр. 67), wtn — то «межевой столб» (стр. 50, 54 и т. д.), то «идол» (стр. 100, 101) mhd — то «вал» (стр. 61), то «башня» (стр. 57) и т. д., глагол t'lm — то «составлять» (стр. 50), то «подписывать» (стр. 105).

Такие же непоследовательности можно отметить и в грамматических толкованиях некоторых примеров. Так, термин uwmt объясняется в одном случае как абстрактное имя — «датировка» (стр. 45), в другом — как правильное множественное женского рода от uwm «день» (стр. 61). Выражение kn/hbw/whhг переведено на стр. 109 множественным числом («решили и приказали»), а на стр. 112 — единственным («решил и приказал»).

В некоторых случаях в качестве примеров избраны тексты, грамматическое толкование которых спорно. Так, во фразе bhg/str/wtwn/str/wtwn/bhw Г. Бауэр понимает слова str/wtwn как имена существительные, а str/wtwn — как глаголы: «согласно надписи и трассирке (? — А. Л.) границы, которую составил и которую провел отец его» (стр. 50, ср. перевод на стр. 78, прим. 131). Однако существует и обратное толкование: «по распоряжению написал и разграничил надпись и межевые столбы отец его». Термин mdrft Г. Бауэр понимает как множественное число от единственного mdrf (стр. 57); более вероятным кажется противоположное толкование, если привлечь контексты СИН, 541, 42—43 mdrft/d'fn «водосток зу-'Афан» и Ja, 671, 12 kl/mdrfn «все водостоки». Выражение sm'm/dt'lm (RES, 3951,6) следует переводить не «свидетельский документ, который составил» (стр. 90), а «свидетели, которые подписали» (ср., например, RES, 3854, 10: 'sm'm/dt'lm). Во «Введении» автор говорит о «полном отсутствии в надписях глаголов и местоимений 1-го и 2-го лица» (стр. 13), но на стр. 88—89 приводит примеры употребления самостоятельного местоимения 2-го лица 't и местоименных суффиксов k и km.

Формулировки не всегда достаточно четки и понятны. Так, например, вызывает удивление фраза: «Вероятно внутри древнеюжноарабского языка обе фонемы в написании уже не различались вследствие сдвига [z] > [s]» (стр. 40). По-видимому, автор имеет в виду исчезновение фонемы z и ее переход в s, но даже в таком виде это утверждение слишком категорично, так как написания с «первоначальным» знаком (qyz, slmt) встречаются несравненно чаще, чем с измененным (qyz, slmt). Лучше соответствует материалу мнение А. Бистона, по которому смещение t и s произошло лишь в некоторых районах южноарабского языкового ареала¹².

Совершенно неясной для читателя остается позиция Г. Бауэра по вопросу о сабейских окончаниях двойственного числа имени в определенном состоянии -nn и -hn. Она изложена следующим образом: «А. Ф. Л. Бистон считает, что в раннесабейских текстах можно обнаружить еще две формы окончания двойственного числа имени в определенном состоянии — -nn (J, 541, 8: b-'db-nn) и -hn (RES, 4781,1: nhl-hn). Первый пример во всяком случае спорен, ибо по контексту установить число невозможно, не исключено, что здесь окончание правильного множественного числа с нунацией. С окончанием -nn мы встречаемся в довольно поздних надписях из Сабы, например, bytnn (J, 716, 2); š'bnn (J, 716, 3). Что касается RES, 4781,1, то здесь автор про-

заимствованном иудейском имени и о надписи VI в. н. э., когда традиции южноарабской эпиграфики были уже в очень сильной мере разрушены.

¹¹ J. R y e c k m a n s, Nouvelle interprétation d'un texte sabéen, BO, XXV, 1968, стр. 7—8

¹² B e e s t o n, Grammar, 9,6.

сто не обратил внимания на то обстоятельство, что в соответствии с новой проверкой текста слово должно читаться *nhlnhn*» (стр. 53—54)¹³.

Цитата производит впечатление, что Г. Бауэр отрицает существование обоих окончаний (*-nn* и *-hn*) в двойственном числе, тем более, что они не включены и в таблицу на стр. 53. Однако в приведенных автором ссылках на надпись *Ja, 716* двойственное число явно следует из контекстов: *bytnn/hnn/wdrhn* «два дома, Харан и Зархан» и *š'bnh/hšdm/wgymn* «два племени, Хашид и Гайман». Вряд ли этого мог не заметить Г. Бауэр, впервые использовавший надпись (опубликованную уже после выхода в свет грамматики А. Бистона) в качестве грамматического примера.

О втором окончании Г. Бауэр пишет несколько ниже: «В сабейском мы находим окончание *-hn* как показатель двойственного числа в позднейших надписях, например, *bytnn* (J, 734, 5)» (стр. 54). Таким образом, автор, вероятно, выражает А. Бистону лишь по вопросу о квалификации окончаний *-nn* и *-hn* как раннесабейских. Но тогда почему же они отсутствуют в таблице на стр. 53?

Отметим некоторые очевидные ошибки: хадрамаутский предлог *h* соответствует не «обычному *k*» (стр. 37), а минейскому *k* и обычному (сабейскому, катанскому и общесемитскому) *l* (ср. стр. 23, где это же соотношение изложено правильно). В выражениях типа *bn/hzfrn* «из (рода) Хазфарам» *bn*, безусловно, не предлог, как полагает автор (стр. 97), а существительное «сын», вводящее родовое имя; оно может изменяться по родам и числам.

Довольно значительно количество невыправленных опечаток в транслитерации текстов и к сожалению, список опечаток отсутствует. Особенно досадны опечатки в таблице 8 (стр. 91): *hwy* вместо *hmyt* (двойственное число указательного местоимения)¹⁴ и *bn* вместо *hn* (женский род множественного числа указательного местоимения), и *htbn* вместо *htbw* в тексте RES, 3951,1 (стр. 109, 112), что привело к ошибкам в грамматическом толковании: на стр. 109 автор толкует глагол как инфинитив (вместо перфекта), а на стр. 112 — как единственное число (вместо множественного).

Отмеченные неточности и ошибки касаются лишь частных случаев, они очень легко исправимы и ни в коей мере не мешают пользоваться книгой специалисту в области южно-арабской эпиграфики. Однако они легко могут ввести в заблуждение читателя, обращающегося к работе как к справочнику или к учебному пособию. Это и заставило нас перечислить все замеченные неточности.

Однако все сказанное не меняет высокой оценки работы Г. М. Бауэра как крайне нужной, очень полезной для широких кругов читателей книги и составляющей важный этап в развитии советской сабейстики.

А. Г. Лундин

¹³ Следует ссылка 83: «WZKM, 45, S. 22». Отметим, что статья М. Хёфнер в WZKM, вышедшая в 1938 г., никак не может быть названа «новой проверкой» текста, опубликованного «Репертуаром» в 1950 г. Напротив, она содержит *editio princeps* указанной надписи, воспроизведенное «Репертуаром». Речь идет лишь об исправлении опечатки «Репертуара», кстати, отмеченной уже А. Бистоном (Beeston, Grammar, стр. 74, прим. 110).

¹⁴ Форма *hmyt* как множественное число указательного местоимения кажется чрезвычайно сомнительной. Она основывается на единственной надписи *Ja, 574*, причем по контексту имя должно стоять в двойственном числе.

В. М. МАССОН, *Средняя Азия и древний Восток*, М. — Л., 1964, 467 стр.

Значение древнего Востока для изучения древнейших этапов истории общезвестно. Именно там возникают первые цивилизации и государства, создаются культурные ценности, сохранившие свое значение порой вплоть до наших дней. Новые археологические материалы показывают, что эта особая роль древнего Востока начинает проявляться весьма рано, по крайней мере с X—VII тыс. до н. э., когда здесь в ряде локальных центров происходит переход к таким прогрессивным формам хозяйства, как земледелие и скотоводство. Обобщению

этих археологических материалов, попытке исторического синтеза дописьменной эпохи стран древнего Востока посвящен ряд исследований, из которых наибольшую известность получила книга Г. Чайлда¹. Этой проблематике по существу посвящена и рассматриваемая книга. Однако от работы Г. Чайлда она отличается не только использованием более новых данных, появившихся в печати. Проводя в течение многих лет рас-

¹ Г. Ч а й л д, *Древнейший Восток в свете новых раскопок*, М., 1956.